

Научная статья

УДК 1(09)

DOI: 10.17213/2075-2067-2023-5-17-24

ФИЛОСОФСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ А. Ф. ЛОСЕВА (к 130-летию выдающегося мыслителя)

Павел Николаевич Лукичев

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

lukichev@inbox.ru, ORCID: 0000-0001-7018-8238,

AuthorID РИНЦ: 371031, SPIN-код: 5266-4541

Аннотация. *Целью статьи* является представление в обобщенном, но целостном виде философских воззрений А. Ф. Лосева.

Методология. В качестве методологии исследования использованы подходы, характерные для бихевиоризма и советской школы социальной психологии, в частности положения об установках и ценностных ориентациях, определяющих жизненные позиции и понимание реальности.

Результатами исследования являются выводы о том, что: в научной литературе практически полностью отсутствуют работы, посвященные анализу философских взглядов А. Ф. Лосева; сложившиеся в молодые годы под влиянием знакомства с идеями Шопенгауэра, Гегеля, Гуссерля взгляды А. Ф. Лосева с годами прошли значительные метаморфозы, но они сохранили основные элементы первоначальных впечатлений, что обеспечило становление специфической философской системы; по понятным социальным причинам она не могла быть последовательно изложена в одной какой-либо монографии, но раскрывается им в комментариях к концепциям античных авторов, изучению и рассмотрению которых А. Ф. Лосев отдал большую часть своей научной жизни.

Перспективы исследования. В нижеприведенной статье предпринята попытка представить философскую систему А. Ф. Лосева, быть может, в несколько концентрированном и кратком виде, поэтому перспективой дальнейших исследований выступает необходимость более полного раскрытия сюжетов философских размышлений А. Ф. Лосева, содержащихся в его комментариях к сочинениям античных авторов, в его монографиях и статьях, посвященных истории философии и собственным философским работам.

Ключевые слова: философская система, материализм, идеализм, философия музыки, символ, мифология, мифологическое мышление, мифологическое сознание, манипуляция сознанием, мифологический конструкт объективной реальности

Для цитирования: Лукичев П. Н. Философская концепция А. Ф. Лосева (к 130-летию выдающегося мыслителя) // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 5. С. 17–24. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-5-17-24>.

Original article

**A. F. LOSEV'S PHILOSOPHICAL CONCEPT
(on the 130th Anniversary of the Outstanding Thinker)**

Pavel N. Lukichev

*Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
lukichev@inbox.ru, ORCID: 0000-0001-7018-8238,
AuthorID RSCI: 371031, SPIN-code: 5266-4541*

Abstract. *The purpose of the article is to present A. F. Losev's philosophical views in a generalized, but integral form.*

The research methodology uses approaches typical of the behaviorism and Soviet school of social psychology, in particular the provisions on attitudes and value orientations that determine life positions and understanding of reality.

The results of the study are the conclusions that: in the scientific literature there are almost completely no works devoted to the analysis of A. F. Losev's philosophical views; the views of A. F. Losev formed in his younger years under the influence of acquaintance with the ideas of Schopenhauer, Hegel, Husserl have undergone significant metamorphoses over the years, but they have retained the main elements of the initial impressions, which ensured the formation of a specific philosophical system; for obvious social reasons, it could not be consistently stated in one monograph, but it is revealed by him in the comments on the concepts of ancient authors, the study and consideration of which A. F. Losev devoted most of his scientific life.

The prospects of the research. In the article below, an attempt is made to present this philosophical system of A. F. Losev, perhaps in a somewhat concentrated and concise form, therefore, the prospect of further research is the need for a more complete disclosure of the plots of A. F. Losev's philosophical reflections contained in his comments on the writings of ancient authors, in his monographs and articles on the history of philosophy and his own philosophical works.

Keywords: *philosophical system, materialism, idealism, philosophy of music, symbol, mythology, mythological thinking, mythological consciousness, manipulation of consciousness, mythological construct of objective reality*

For citation: *Lukichev P. N. A. F. Losev's Philosophical Concept (on the 130th anniversary of the outstanding thinker) // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2023; 16(5): 17–24. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-5-17-24>.*

Введение. Когда в научной среде упоминается имя Алексея Федоровича Лосева, то прежде всего на ум приходит восьмитомная «История античной эстетики». Это в определенной мере справедливо, поскольку из сорока изданных им монографий этот восьмитомник является наиболее фундаментальной работой. Впрочем, ее фундаментальность отнюдь не связана с последовательным изложением эстетических взглядов античных авторов. Скорее, наоборот — их рассмотрение является поводом, приемом раскрытия

собственных философских идей, причем А. Ф. Лосев досконально и скрупулезно приводит все источники, сохранившиеся до современности и связанные с творчеством мыслителей древней Греции и Рима, сквозь их воззрения проявляется личность и убеждения самого создателя данного труда.

Конечно, передать философские воззрения А. Ф. Лосева означало бы полное повторение всех его сочинений. Так что самое надежное — просто прочесть их и сложить таким образом собственное мнение. Воспро-

изведение же их в кратком виде возможно только как интерпретация, что неизбежно приводит к передаче не их самих, а их понимания автором подобной аннотации. Тем не менее возьмем на себя эту задачу. И прежде всего скажем несколько слов о проблеме того, почему главный труд своей жизни А. Ф. Лосев посвящает теме эстетики в ее античном представлении.

Обсуждение. Принято считать, что философская мысль античности была сосредоточена на поиске рецепта правильной и счастливой жизни человека в природном и социальном окружении. Иначе говоря, была нацелена на решение этических проблем. Однако правильное и счастливое бытие индивида невозможно без понимания окружающей природы и, само собой разумеется, общества. Соответственно, мудрец был обязан представить свое учение о мире, чтобы объяснить место человека в мире и определить правила, следование которым сделало бы его жизнь счастливой. Подобная возможность открывается только в том случае, если будет соблюдена мера во всем, и вот тут-то А. Ф. Лосев и входит в конфликт с устоявшимися представлениями об этической нацеленности античной философии, поскольку мера всего — это красота. Все прекрасное соразмерно, а следовательно, философская мысль нацелена на понимание прекрасного и сама эстетически насыщена. Все прекрасное — разумно в смысле соразмерности и рациональности своего существования, «все разумное — действительно». Последнее — это гегелевская фраза («все действительно — разумно, все разумное — действительно»), а отрицать сильное влияние философии Георга Вильгельма Фридриха Гегеля на диалектическую методологию А. Ф. Лосева совершенно невозможно. Тем самым оказывается, что название для своего фундаментального труда им было выбрано не случайно, хотя, по сути, речь в нем идет не столько об эстетике, сколько о философии античного времени вообще. И все же назвать его, скажем, «Историей античной философии», может быть, и было бы правильным, исходя из содержания, но не соответствовало бы замыслу автора. И вот почему...

«А что, товарищ Берия, — спросил как-то И. В. Сталин, — остались ли в Советском Союзе философы-идеалисты?». Лаврентий

Павлович ответил: «Да есть тут один, некто Лосев». «Ну если один — то не страшно. Пусть живет». Этот анекдот, даже если он был выдуман, возможно, самим Алексеем Федоровичем, вполне объясняет его обращение к философии античности, поскольку ее представление в историческом развитии давало простор для рассмотрения и применения диалектического метода исследования и философского осмысления мира, но не с позиций марксистско-ленинского диалектического материализма, а с позиций диалектики Гегеля, феноменологии Гуссерля, эстетического мистицизма Шопенгауэра. И хотя в каждом томе «Истории античной эстетики» в предисловии А. Ф. Лосев постоянно подчеркивает, что в исследовании используется методология диалектического материализма, но, поскольку античные авторы о ней не имели никакого понятия, то их по большей части философский идеализм и логика (и формальная [10], и диалектическая [9]) позволяли использовать собственный методологический конструкт для анализа даже не столько философии, сколько культуры античности. Это в свою очередь заставляло поставить вопрос о значении культуры в целом в эволюции социальной системы, причем для самих античных авторов, по крайней мере, до Цицерона, даже самого термина «культура» не существовало, но именно культура и находится в центре внимания А. Ф. Лосева и отнюдь не только в «Истории античной эстетики» [4; 5; 8; 11]. Об этом аспекте, однако, следует говорить после рассмотрения проблемы идеализма и материализма.

Конечно, сами античные авторы над этой проблемой даже не задумывались, и этот аспект опять же позволяет А. Ф. Лосеву подойти к нему иначе, чем принято было в рамках марксистской идеологии. Излагая последовательно хронологически античную философскую мысль, он, что принципиально важно, не проводит подобного различия. Действительно, материализм и идеализм есть не более чем удобное операциональное деление, когда мы пытаемся провести классификацию различий во взглядах на мир, а при таком подходе история человеческой мысли предстает как процесс познания в целом. В этом отношении такая классификация теряет логическое основание, потому что свое

значение она имеет лишь при попытке разнести процесс познания по искусственно созданным таксонам, слабо соотносимым с реальными результатами гносеологической активности. Так, образ платоновской пещеры [15], который традиционно в марксистской литературе трактовался как доказательство идеализма Платона, по сути, представляет понимание того, что «в действительности все не так, как на самом деле» (Антуан де Сент-Экзюпери). Нашим органам чувств доступно равно столько, сколько необходимо для ориентации в окружающем пространстве для выживания в нем и продолжения рода. Все, что выше, больше, глубже этого, является умопостигаемым. Даже приборы, которые мы используем для проникновения вглубь материи, предназначены для перевода не видимого, не воспринимаемого нами на уровень, доступный нашим ощущениям. Это не идеализм и не материализм, это нечто большее, чем примитивное операциональное деление философии на два идеологических лагеря. Это — объективный подход к пониманию реальности. Однако же то, что умопостигаемо, тоже должно быть понято, а понято оно может быть лишь постольку, поскольку уже было понято прежде.

Вся совокупность тех вопросов, которые нас мучают сегодня, совсем не нова. Изменились декорации, обусловленные эволюцией материальной стороны культуры общества, но биологически человек остался тем же, и проблемы, стоящие перед ним, остались теми же, как и способы их решения, что опять-таки делает актуальными мысли античных философов, которые за давностью лет не потеряли своего значения, причем именно в тех аспектах, которые связаны с отношениями между людьми и человеческого общества с миром природы.

Тут вновь мы видим конфликт А. Ф. Лосева с примитивным пониманием марксизма, восторжествовавшим в советском обществе, а, может быть, и не только в советском. По большей части идею К. Маркса о росте производительных сил, которые взламывают производственные отношения, представляют как изменение средств производства. Между тем главной производительной силой является человек с его знаниями, умениями, навыками, а кроме того — речью, изобразитель-

ным искусством, музыкой, художественной литературой и пр., т.е. всем тем, что делает человека человеком. И если происходит развитие производительных сил, то это означает социальную эволюцию человеческой личности, а вместе с тем — социальных отношений. Коль скоро происходит эволюция знаний, то это — открытие новых идей, изобретений, духовные достижения. Следовательно, именно новые идеи и вызывают совершенствование средств производства, и есть то, что называется развитием производительных сил. Эйдосы правят миром социальных отношений, однако только в том случае, если получают материальное воплощение [5], в том числе, даже прежде всего, в материю человеческого мозга в виде новых нейронных связей. Это заставляет поставить вопрос о том, что есть идея (эйдос), ее символическое воплощение в материю вещи и сама вещь [12].

Думается, что концептуальные представления А. Ф. Лосева об «идее» сложились у него задолго до рассмотрения взглядов античных философов в «Истории античной эстетики», поэтому следует обратиться к его ранним работам, написанным в 20–30-е годы еще до ареста и лагерей. Собственная концепция «эйдоса» наиболее полно изложена им в «Музыке как предмете логики» [14].

Физическая природа звуков, их консонантное или диссонантное соединение, последовательное движение не есть музыка сама по себе. Это только звуковые волны различной частоты и амплитуды, производимые музыкальными инструментами. Инструменты — не источник музыки, но только средство ее озвучивания. Резонанс и тембр инструмента не производит музыки, ибо музыка есть нечто иное, чем тембр и наложение обертонов.

Не является музыкой и ее нотная запись. Это всего лишь последовательность символов, понятная для тех, кто знает нотную грамоту. Такая запись подобна тексту какого-либо литературного произведения, в котором последовательность букв складывается в слова, но эти слова в действительности не звучат. Они как будто звучат внутри читающего. Но и это не так, потому что внутри происходят физиологические и психические процессы. Вот и звуковые волны музыкального произведения, создаваемые исполнителем с использованием инструмента, даже если таким

инструментом является его собственный голосовой аппарат, объективно не являются музыкой. И их восприятие — не музыка, потому что колебания звуковых волн раздражают рецепторы слуха, что создает нервные импульсы в мозге человека, воспринимающего звуки. И дальше происходят только нейронные процессы, причем существует определенное различие физики звука и физиологии восприятия, поскольку физика музыкального звука подчиняется простому арифметическому параметру, открытому еще Пифагором и соответствующему обертоновому ряду. Восприятие же звука осуществляется рецепторами ушной улитки, закрученной по спирали Эйлера в соответствии с экспоненциальным законом. Эти рецепторы не воспринимают абсолютно все частоты колебаний воздушной среды, но отождествляют их небольшие различия в возрастающем с высотой звука диапазоне, отождествляют с конкретным звуком определенной частоты, так что незначительные отличия остаются незамеченными.

И вообще музыка подобна самой жизни. Отзвучавшее уже не существует, не звучавшего еще нет. Есть только здесь и сейчас, но то, что существует здесь и сейчас, есть или одиночный звук или аккорд звуков, которые, взятые сами по себе, музыкой не являются, но то, что является музыкой, должно звучать и дискретно, и непрерывно. Ее дискретность задана материальной природой — физической и физиологической, а, следовательно, непрерывность заключена в том, что не есть материя, это — чистая идея. Однако идея не может существовать вне своего материального носителя, не будучи ни материей, ни энергией, ни информацией. В то же время идея не есть форма, поскольку форма — соната, симфония, романс или что бы то ни было иное — задана извне, господствующими вкусами общества, по сути, общественной практикой. Форма не существует без своего структурированного содержания. Напротив, эйдос музыкального произведения есть целостность музыкальных образов, рожденных эмоциональными переживаниями его автора. Именно эйдос музыкального произведения делает поток звуков музыкой, и наоборот — эйдос музыки делает поток звуков музыкальным произведением, получающим материальное воплощение и соответствующую

форму. В то же время идея музыки и в слушателе призвана вызвать чувства, подобные пережитым автором, подобные, но не тождественные, а это делает слушателя соавтором данного музыкального произведения. Тем самым А.Ф. Лосев предвосхищает взгляды постструктурализма о соавторстве человека, воспринимающего авторский текст [16].

Сказанное в полной мере относится и к философии математики [7]. Использование чисел в расчетах не есть нечто реальное, это абстракция, отчужденная от реальности, совмещенная с ней, но отличная от нее. Математик имеет дело с цифрами, которые в какой-то мере представляют собой символы реальности материального мира. В постструктурализме это схватывается понятием симулякры [2]. Цифры и чертежи, зафиксированные на каком-либо материальном носителе — на ватмане современного инженера, на песке, как это делал Архимед — это символы абстрактных идей, которые в реальности воплощаются во множество индивидуальных вещей. Однако же то сочетание цифр, которое написано рукой математика, и те чертежи, которые воплощены на каком-либо материале инженером, представляют собой результат ментальных процессов, происходивших в головах их креаторов. Эти ментальные процессы в виде соединения нейронов и пробегающих по ним нервных импульсов совсем не являются образами, видимыми их внутренним взором, не являются умопостигаемыми мыслеобразами, и уж тем более не являются идеями предощущаемой истины. Эйдосы остаются все также далекими от возможности анализа их в качестве каких-либо материальных процессов. Такой анализ способен объяснить, как и каким образом возникают материальные основания эйдосов, но то, что эйдосами направляется и что порождает материальные основания умозрительных образов, подобный анализ объяснить не в состоянии.

Иначе говоря, выходит так, что конкретные объекты получают наименования, но имена этих конкретных объектов относятся, по сути, не к ним, а к их обобщенным образам. Имя вещи не есть имя вещи, но есть имя идеи этой вещи. Ель, береза, осина — это не названия конкретных ели, березы и осины, это — наименования рода данных

вещей, т.е. ноумены абстракций. Ноумены являются символами вещей, которые в мышлении замещают сами вещи, и именно поэтому они обозначают не сами вещи, а их идеи. Когда я говорю «клен» (это уже мой личный опыт — ЛПН), конечно, я представляю себе конкретный клен, который видел под окном в своем детстве. Но как бы понятие «клен» ни ассоциировалось с этим конкретным объектом, оно остается абстракцией клена, наименование которого относится к идее (эйдосу) этого рода растений. Так же и понятие «дерево» вообще представляет собой еще более общую абстракцию и относится к идее этой абстракции вообще. Равно и ноумен «растение» является наименованием того общего, что объединяет все растения в реальности их материального существования. Однако в человеческом мышлении оно остается ноуменом идеи этой общности.

Понимание слова, обозначающего вещь, явление, свойство, как имени идеи этих вещей, явлений и свойств [13] позволяет рассмотреть античную мифологию не с позиций вульгарного атеизма или не менее вульгарного монотеизма, а в качестве начальной стадии развития философской мысли античности [3]. В «Теогонии» Гесиод создает систему древнегреческой мифологии, объединяя в единое целое мифы, бытовавшие на племенных территориях, но в том-то и дело, что имена древнегреческих богов — это ноумены явлений, которые имеют различные интерпретации, обозначая зачастую одно и то же. Однако их систематизация требует осмысления того, как одно явление порождает другое и тем самым последовательное изложение мифологии превращается в философскую мысль о диалектике мирового развития. Историческое развитие античной мифологии превращается в историческое развитие самой античности. Подобную же систематизацию, но уже в хронологической последовательности сюжетов проводит в своей «Мифологической библиотеке» Аполлодор (Псевдо-Аполлодор) [1]. Однако, пожалуй, собственно философское осмысление сущности мифологии и мифологических конструкций мира мы находим у Саллюстия, взглядам которого А.Ф. Лосев посвящает большую главу в «Истории античной эстетики» [6]. Комментарии к сохранившимся текстам Саллюстия, как и в других случаях, дают

ему возможность представить собственную точку зрения, но теперь — на мифологию, мифологическое мышление, мифологическую природу человеческого сознания.

Анализ учения Саллюстия, а заодно и Ямвлиха, на которого Саллюстий постоянно ссылается как на своего наиболее авторитетного предшественника в плане символического понимания явного и неявного в реальности показывает миф как способ осмысления человеком окружающего мира. Миф — не сказка, не фантастический вымысел о никогда не существовавшем, сюжет мифа — это символическое осмысление реальности в «специфически данном образе всеединства» [6, с. 335]. В этом смысле миф является способом понимания всего космоса в целом и целостности мира в его всеединстве, поэтому-то дело не в том, что существует некое отличное от логического, рационального мифологическое мышление, а в том, что мышление, каким бы рациональным оно ни было, всегда было, есть и будет мифологическим мышлением. Какими бы символами мы ни выражали свои мысли, мы продолжаем мыслить образами и символами образов выражать свои мысли. Языки меняются, мифы меняются, а мышление остается мифологическим. Даже строго логические размышления, т.е. размышления словами, сохраняют характер мышления символами, ибо слова — это символы, будь то письмена или звуковая сигнальная система. Любая научная концепция, тем более политическая идеология, представляет собой результат мифотворчества, а само мифотворчество и есть способ познания мира и изложения результатов познавательного процесса. Таким образом, получается, что миф, понимаемый в таком широком смысле, является формой сознания, и наше человеческое сознание, именно потому и есть сознание, что способно умозрительно проникать в конструкцию мира. Насколько эта умозрительная конструкция адекватна реальности — это уже другой вопрос.

Заключение. Поразительные — иногда причудливые, но все равно поразительные — прозрения античных авторов, осуществленные без опоры на эксперимент, только посредством логических размышлений, достигают уровня практически классического этапа

развития научных знаний в Новое время, а иной раз и уровня современных научных представлений о физическом и социальном мироустройстве.

Это делает понятным феномен Юлиана Отступника. Флавий Клавдий Юлиан, сын Юлия Констанция, племянник императора Константина был воспитан в христианском духе и был знаком со многими прославленными проповедниками христианства. Однако, почитав трактаты неоплатоников, пообщавшись с некоторыми из них и послушав Саллюстия, который стал его близким другом и даже был им назначен префектом претория, а это одна из высших должностей в поздней Римской империи, Юлиан с энтузиазмом обратился к язычеству. Следствием увлеченности философскими идеями неоплатоников и языческими мистериями стал его собственный мифологический идеологический конструкт, который А. Ф. Лосев называет «своеобразным языческим монотеизмом» [6, с. 373].

Невольно напрашивается сравнение с реформой Эхнатона в Египте, где подобный «языческий монотеизм» в конце концов на территории этого государства потерпел поражение в столкновении с привычным населению и красочным политеизмом. В Римской империи он также потерпел поражение, но в столкновении с недавно утвердившимся христианским монотеизмом. Это показательно — мифологема должна быть не только до некоторой степени адекватна объективной реальности, но и должна соответствовать ментальности тех, кому она предлагается.

Очевидно то, насколько актуальной сегодня, в условиях идейной конфронтации с использованием технических возможностей средств массовой информации и массовой коммуникации, является философская концепция Алексея Федоровича Лосева, получающая практическое значение. Оно состоит в том, что и прежде была, и ныне особенно активно используется возможность манипулирования индивидуальным и массовым сознанием, которое достигается символическими средствами создания мифологического конструкта реальности. При этом действия людей определяются ведь не самой объективной реальностью, а их представлениями о том, что она собой представляет, иначе говоря, исходя из мифологического образа этой

самой реальности. Проблема, как мы видели на примере Юлиана Отступника, в том, насколько данная возможность может быть реализована и сколько времени на ее реализацию необходимо, чтобы преодолеть инерцию прежнего мифологического конструкта.

Список источников

1. Аполлодор. Мифологическая библиотека / Пер., предисл. и комм. А. Шапошников. М.: Эксмо, 2006. 413 с.
2. Бодриар Ж. Симулякры и симуляция / Пер. А. Качалова. М.: Рипол-классик, 2015. 238 с.
3. Лосев А. Ф. Античная мифология в ее историческом развитии. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства Просвещения РСФСР, 1957. 620 с.
4. Лосев А. Ф. Греческая трагедия. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства Просвещения РСФСР, 1958. 203 с.
5. Лосев А. Ф. Знак. Символ. Миф. М.: МГУ, 1982. 479 с.
6. Лосев А. Ф. История античной эстетики. Последние века. Кн. 1. М.: Искусство, 1988. 415 с.
7. Лосев А. Ф. Диалектика числа у Платона // Миф. Число. Сущность. М.: Мысль, 1994. 920 с.
8. Лосев А. Ф. Самое само. М.: Эксмо-Пресс, 1999. 1022 с.
9. Лосев А. Ф. История античной эстетики. Софисты. Сократ. Платон. М.: АСТ, Фолио, 2000. 715 с.
10. Лосев А. Ф. История античной эстетики. Аристотель и поздняя классика. М.: АСТ, Фолио, 2000. 880 с.
11. Лосев А. Ф. Античная литература. М.: ЧеРо, Асар, 2005. 542 с.
12. Лосев А. Ф. Вещь и имя. М.: Изд-во Олега Абышко, 2008. 574 с.
13. Лосев А. Ф. Владимир Соловьев. М.: Молодая гвардия, 2009. 616 с.
14. Лосев А. Ф. Музыка как предмет логики. М.: Академический проект, 2012. 205 с.
15. Платон. Государство. Соч. в 3-х т. Т. 3. М.: Мысль, 1971. 685 с.
16. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / Пер. с фр. В. П. Визгина и Н. С. Автономовой. СПб.: А-скад, 1994. 406 с.

References

1. Apollodor. Mifologicheskaja biblioteka [Mythological Library]. Per., predisl. i komm. A. Shaposhnikova. Moscow: Jeksmo, 2006. 413 p. (In Russ.).
2. Bodrijar Zh. Simuljakry i simuljacija [Simulacra and simulation]. Per. A. Kachalova. Moscow: Ripol-klassik, 2015. 238 p. (In Russ.).
3. Losev A.F. Antichnaja mifologija v ee istoricheskom razvitii [Ancient mythology in its historical development]. Moscow: Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo Ministerstva Prosveshhenija RSFSR, 1957. 620 p. (In Russ.).
4. Losev A.F. Grecheskaja tragedija [Greek tragedy]. Moscow: Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo Ministerstva Prosveshhenija RSFSR, 1958. 203 p. (In Russ.).
5. Losev A.F. Znak. Simvol. Mif [Sign. Symbol. Myth]. Moscow: MGU, 1982. 479 p. (In Russ.).
6. Losev A.F. Istorija antichnoj jestetiki. Poslednie veka. Kn. 1 [History of ancient aesthetics. The last centuries. Book 1]. Moscow: Iskustvo, 1988. 415 s. (In Russ.).
7. Losev A.F. Dialektika chisla u Platona [Dialectics of number in Plato]. Mif. Chislo. Sushhnost' [Myth. Number. Essence]. Moscow: Mysl', 1994. 920 p. (In Russ.).
8. Losev A.F. Samoe samo [The very thing]. Moscow: Jeksmo-Press, 1999. 1022 p. (In Russ.).
9. Losev A.F. Istorija antichnoj jestetiki. Sofisty. Sokrat. Platon [History of ancient aesthetics. Sophists. Socrates. Platon]. Moscow: AST, Folio, 2000. 715 p. (In Russ.).
10. Losev A.F. Istorija antichnoj jestetiki. Aristotel' i pozdnjaja klassika [History of ancient aesthetics. Aristotle and the late classics]. Moscow: AST, Folio, 2000. 880 p. (In Russ.).
11. Losev A.F. Antichnaja literatura [Ancient literature]. Moscow: CheRo, Asar, 2005. 542 p. (In Russ.).
12. Losev A.F. Veshh' i imja [Thing and name]. Moscow: Izd-vo Olega Abyshko, 2008. 574 p. (In Russ.).
13. Losev A.F. Vladimir Solov'jov. Moscow: Molodaja gvardija, 2009. 616 p. (In Russ.).
14. Losev A.F. Muzyka kak predmet logiki [Music as a subject of logic]. Moscow: Akademicheskij proekt, 2012. 205 p. (In Russ.).
15. Platon. Gosudarstvo. Soch. v 3-h t. [State. Op. in 3 vols.] Vol. 3. Moscow: Mysl', 1971. 685 p. (In Russ.).
16. Fuko M. Slova i veshhi. Arheologija gumanitarnyh nauk [Words and things. Archeology of the Humanities]. Per. s fr. V.P. Vizgina i N.S. Avtonomovoj. Saint Petersburg: A-cad, 1994. 406 p. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 26.08.2023; одобрена после рецензирования 18.09.2023; принята к публикации 14.10.2023.

The article was submitted on 26.08.2023; approved after reviewing on 18.09.2023; accepted for publication on 14.10.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Лукичев Павел Николаевич — доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры «Конфликтология и национальная безопасность», Южный федеральный университет.
Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160

Pavel N. Lukichev — Doctor of Sociology, Professor, Professor of the Department of «Conflictology and National Security», Southern Federal University.
160 Pushkinskaya str., Rostov-on-Don, Russia